

Каждый крестьянский дом в сокольской деревне Петряево - это судьба и биография нескольких поколений. Дом поэта Александра Романова тоже имеет свою судьбу и биографию: трагизм коллективизации, гнетущий режим ежовщины, голод и холод в военные годы, послевоенная бедность.

В этом доме оплакивалась гибель отца поэта, погибшего под Выборгом, оплакивалась смерть матери - Александры Ивановны, смерть брата Павла - доктора медицины, смерть сына поэта - Владимира.

А сколько было других горьких утрат!

Но в романовском пятистенке написано более двадцати книг стихов и прозы. Мы считаем это подвигом Александра Александровича - одного из главных создателей областной писательской организации, которой в начале ноября исполняется 35 лет.

- Александр Александрович, чем для вас является Петряево - родовое гнездо!

- Буквально всем, но главное - памятью сердца о своих родных и близких. При встрече со своей деревней в душу приходит печаль. Почему? Та деревня, которую я знал, осталась в моей памяти очень разной. Сейчас, при возвращении к родным корням, я испытываю двойственное чувство: с одной стороны, я как будто возвращаюсь к себе, в те молодые годы, и встречаю не только старый дом, но и каким-то образом воспринимаю даже и всех живших в нем. И память эта настолько зрительная, что я иной раз почти физически представляю, как ходит дед. Это был великий мастер на все руки. Вон там, около печки, ходила мать, а потом садилась к окну пряхать пряжу. Отец, учитель, - в той комнате.

Не то, что я вижу сейчас. Если бы я видел только то, что вижу, я был бы очень раздосадован, опечален. Ведь сегодняшняя деревня - это явление очень горькое, тяжелое, безрадостное, и временами кажется, что безнадежное. Тревожно теперь, нервно и злобно в сельских местах. "Демократическая" власть безжалостно бросила их на вымирание. Чтобы осмыслить и выразить нынешнее крушение деревенской Руси, мало одного писательского дара - необходимо еще и мужество, и сострадание. Без них

всякое писательство и ораторство есть ложь.

- Но ведь разрушить деревню - это разрушить Россию. Об этом писал еще Глеб Успенский.

- Совершенно верно. Но вот это мое глубокое соприкосновение с тем ушедшим временем уже заставляет и помогает мне верить в будущее. А будущее рано или поздно найдет правду - ту, что утрачена нами сегодня. И утрачена по нашей собственной безалаберности, по нашему нерадению, по нашему собственному легкомыслию и легковерию. Нам надо преобразиться, найти в себе еще неизведанные силы, которые запущены у русского народа. Есть много людей русских, которые как бы в стороне от больших дорог, больших работ. И они как бы выпали из российского течения жизни. В каждом человеке я вижу, насколько социальная жизнь наша не отвечает внутренним потребностям. Мы живем поверхностно, опечатическим течением.

Сейчас в России идет какая-то чуждая для нас заимствованная политика, нужная какой-то части власти. Этот режим, прикрываясь словами о заботе, благополучии, зорит Россию. Идет развал России и в первую очередь деревни - хранительницы сочного русского языка, высокой нравственности и культуры.

- Александр Александрович, ваша боль за будущее

Александр Романов: о России, о деревне, о поэзии

России проходит через все ваши книги.

- Сопоставляя минувшее время, прошлое России с моей краткой и рядовой в общем-то жизнью, думая о поэзии, я всегда ощущал, что время это - древнее и минувшее - оно является нашей сущностью и до сих пор. Когда, скажем, выходила моя очередная книга стихов, она заставляла меня пройти несколько сложных кругов. Тогда ведь слова "Русь", "Россия" почти не употреблялись до нынешнего времени. И я как поэт из-за этого очень страдал. К примеру, читаешь Есенина и видишь: в те, 20-е годы Сергеем Александрович широко, размашисто писал: "Россия", "Русь". Александр Блок воскликнул: "О, Русь моя, жена моя!" Наверное, и им, доживи они до наших дней, не дали бы говорить так.

И когда я написал новую книгу стихов и стал предлагать в Москве издательству "Молодая гвардия" под названием "Русский разговор", то мне возразили: "Книгу принимаем, но давайте менять название". И дело кончилось тем, что - жалко же большо-

го труда, работы - я предложил название "Дни прозрения". Но мне хотелось в первом названии книги подчеркнуть исконное русское не ради чего-то личного, а просто как человеку, страдающему за Россию. Поэзия - она вне политики, вне социальных проблем. Это мудрость человеческой жизни, не подвластная ничему. Это даже не литература, может быть, а что-то свыше. Возьмем Тютчева. Небольшой томик. Больше и не надо - он велик! А Фет? То же самое! Я читаю и бесконечно поражаюсь творчеству этих гениев.

- Вот уже сорок лет прошло как вы издали первую книгу "Признание друзьям". Сложным был этот путь!

- Занимаясь поэзией, мы прошли сложный путь. Кто-то? Я, Сергей Викулов. Николай Рубцов миновал это "счастлирое время", или оно его миновало. Я даже как-то не могу сказать. Рубцов был первым, кого наше время не коснулось. Он с самого начала или был всех талантливее, а это действительно так, или уловил многое в нашей жизни, что другие не видели и не

чувствовали. Многим тогда казались странными слова: "Россия, Русь! Храни себя, храни!" Помню, секретарь обкома партии по идеологии тогда недоволю заявил: "Что это такое?" А ведь для наших зловещих дней тогда это было пророчеством, предостережением. И все же эта пронзительная строка осталась. Рубцову, видимо, было проще, чем нам, в силу дарования или времени.

Меня вывела на путь правды и заставила быть искренним человеком поэзия!

- Вы как-то заявили, что поэзия вне времени. Как это понять!

- Да, вне времени. Поэзия - это духовное состояние души. Это состояние, близкое к молитве, потому что сама поэзия - это загадка, которую никогда не разгадать.

- Вы верующий человек!

- Да, я человек верующий, глубоко верующий. Я родился в глубоко православной семье. Я помню с детства, как мать молилась, и особенно - дед. Он был истинным, настоящим модельщиком. У нас в доме была Библия, которая в ту пору - тридцатые годы - могла стать приговором. Но дед сажал меня на колени, раскрывал Библию. Собирались на чтение бабушка моя, мама, тетка Манефа... Дед сидел вот тут и разворачивал Книгу Книг. Правда, окна занавешивали. Я, конечно, ничего не понимал, но внимательно слушал чтение деда-божечка.

А потом деда в 1937 году посадить хотели. Но он заболел, местная знахарка лечила. Не помогло, свезли в больницу в Кадников, где он и умер. Привезли деда домой на похороны, положили гроб на лавку под образа. И вдруг входят два чекиста в длиннопольных шинелях, спрашивают:

"Здесь живет Романов Александр Никанорович?" "Да, здесь, вон лежит", - ответил мой отец. И дерзко добавил: "Берите". "Ты не зарывайся, а то и за тобой придем", - пригрозили люди из НКВД.

Потом, уже в седые годы, я понял и осознал, что жизнь-то - моя да, собственно, и любого человека - в пределах божьей благодати. Если этот человек хочет вообще добра, если хочет жить разумно, мудро. Все это я понял через призму времени. Если ты хочешь добра, жизни благодатной, используй ее для людей: не обижай, не бросай, не огорчай то, что уже кругом огорчено.

- А как вы смотрите на Ельцина со свечками в храме с царедворцами!

- Это фарисейство.

- Как выживают сегодня писательские организации!

- Сейчас творческая жизнь уничтожается коммерцией, пошлостью и бесстыдством издаваемых книг. Я с грустью смотрю на то, что происходит. И когда начинаешь думать, открываешь поразительное явление: в России разгром, разлом, а в Вологодской губернии писательские силы растут, развиваются. Это, по-моему, своеобразный протест варварству, политическому и всякому. Вологодская писательская организация стала одной из крупнейших и активных на европейской части России. Питерская организация развалилась на четыре части, Московская - на шесть частей, в Архангельске осталось всего 8 писателей.

А в нашей сейчас насчитывается 35 членов Союза писателей, поэты и прозаики объединены в коллектив единомышленников. А на подходе молодые, талантливые люди. Радует, что вологодская земля очень талантлива, а это знак, что несмотря на все потрясения мы выживем...

Беседу вели
Татьяна ПУШНИКОВА,
Александр СУШИНОВ.
Сокольский район.

Фото
Дмитрия ЧЕСНОКОВА.